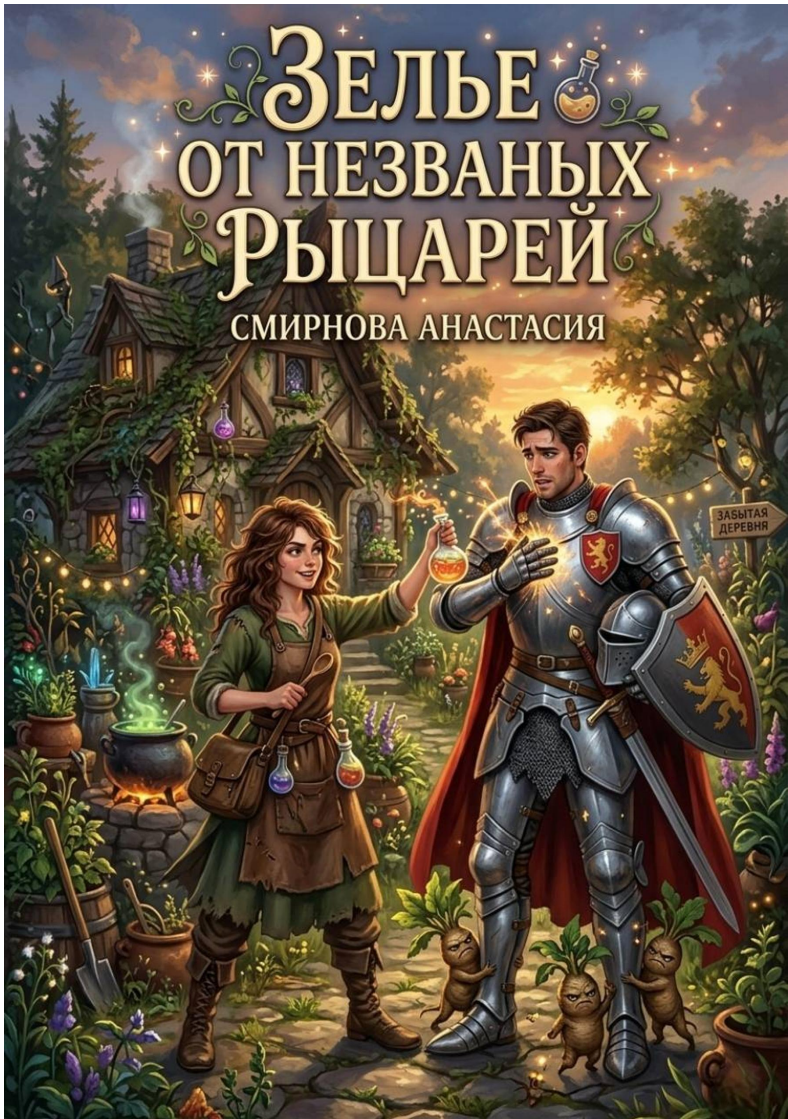

ЗЕЛЬЕ ОТ НЕЗВАННЫХ РЫЦАРЕЙ

СМИРНОВА АНАСТАСИЯ

Анастасия Смирнова

Зелье от незваных рыцарей

<https://litres.ru/74006786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жила-была ведьма и жила бы себе спокойно, если бы не этот блестящий, высокомерный и донельзя правильный рыцарь, свалившийся на мою голову — буквально.

Моя жизнь была идеальна: уютная лачуга на краю деревни, сад с говорящими (и вечно ворчащими) корнями мандрагоры и полное отсутствие нежелательных контактов с цивилизацией. Но королевская опала решила иначе. Теперь мой новый сосед — сэр Эдриан, рыцарь с безупречной репутацией, отполированными доспехами и нулевым представлением о том, как выжить в глуши, где даже куры имеют свое мнение о гостях.

Он считает, что я — опасная колдунья, которой место за решеткой. Я считаю, что он — ходячая катастрофа с мечом, от которой нужно защищать мой огород.

Мы поклялись держаться друг от друга на расстоянии вытянутого копья. Проблема в том, что в этой деревне даже заклятия работают через пень-колоду, а когда живешь через изгородь, «расстояние» имеет свойство сокращаться.

Содержание

Глава 1. О пользе заборов и вреде рыцарского металлолома.	4
Г	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анастасия Смирнова

Зелье от незваных рыцарей

Глава 1. О пользе заборов и вреде рыцарского металлолома.

Если вы думаете, что самое сложное в жизни лесной ведьмы — это кровавые сделки с демонами перекрестков или полеты на непокорной метле в грозу, то вы глубоко заблуждаетесь. Настоящий кошмар — это попытка пересадить брюзжащую мандрагору в семь утра во вторник, когда над влажными грядками еще стелется сизый туман, а ледяная роса безжалостно холодит голые пальцы.

— Земля слишком холодная! — пискляво возмутился корявый корешок, обильно усыпанный комьями жирного черного торфа. Его личико, похожее на сморщенную печеную картофелину, кривилось от негодования, пока я пыталась аккуратно утрамбовать почву вокруг его узловатых боков. — А компост пахнет не так, как в прошлом году! Ты меня не любишь, Агата! Признайся, ты хочешь пустить меня на салат с уксусом!

— Игнат, если ты не заткнешься, я пушу тебя не на салат, а на спиртовую настойку от облысения для старого мель-

ника, — ласково пообещала я, поправляя испачканным запястьем съехавшую на лоб потертую соломенную шляпу с вплетенными веточками сушеной полыни.

Игнат обиженно затих, лишь напоследок возмущенно шевельнув куцым зеленым хохолком, с которого сорвалась крупная капля росы. Я с удовлетворением выдохнула, отирая лоб и оглядывая свои владения. Моя жизнь была идеальной. Уютный домик с покосившейся, но живописной крышей, поросшей бархатистым мхом; роскошный огород, на котором уже наливались бледным неоновым светом призрачные тыквы и лениво щелкали зубчатыми лепестками плотоядные ромашки. И, самое главное, — ни одной живой души на две мили вокруг, не считая моих кур.

Куры у меня были особенные. Они не несли золотых яиц, зато обладали на редкость скверным характером и критическим взглядом на мир. Вот и сейчас моя любимица, пестрая несушка по имени Генриетта с вечно нахохленными перьями, стояла на замшелом заборе и осуждающе смотрела куда-то в сторону утреннего леса.

— Ко-ко-кошмар, — отчетливо кудахтнула она, склонив голову набок.

— Что там, Генри? Местные грибники опять забрели в проклятую рощу и теперь водят хороводы с лешими? — лениво спросила я, отряхивая налипшую землю с холщового передника.

Ответить Генриетта не успела.

Сначала раздался треск. Нет, не так. Раздался **ТРЕСК**. Такой, словно стадо ополоумевших троллей решило прорубить просеку сквозь вековые дубы, растущие на крутом холме прямо за моим участком. Затем последовал звонкий металлический лязг, скрежет сминаемых веток, чье-то сдавленное ругательство — на удивление высокопарное, что-то про «Безразмерную горгулью» и «Свет милосердный» — и тяжелый, свистящий звук стремительного падения.

Я едва успела отскочить в сторону грядки с белладонной, когда прямо со склона, с хрустом проломив мою идеально сплетенную (и заговоренную от вредителей тройным узлом!) живую изгородь из колючего терновника, в огород рухнуло нечто.

Оно сочным звуком вспахало носом грядку с лечебной грязью, проехалось на животе по зарослям лунных кабачков, оставляя за собой борозду из переломанных стеблей, и с оглушительным звоном остановилось ровно в центре двора. Во все стороны полетели комья влажной земли, брызги грязи и ошметки листьев, распугав кудахтающих кур.

Звук был такой, словно кто-то сбросил с обрыва телегу, доверху груженную медными тазами и кастрюлями.

Я моргнула, инстинктивно сжимая в руке садовый совок с деревянной ручкой, словно это был боевой кинжал. Пыль и утренний туман медленно оседали.

На моей любимой грядке лежал человек. Точнее, гора полированного металла с тонкой золотой гравировкой в форме

человека. Даже перепачканные грязью и густо облепленные шершавыми кабачковыми листьями, эти тяжелые латы блестяли так ярко, что резали глаз. Поверх массивной кирасы болтался изодранный шипами терновника бархатный плащ когда-то благородного синего цвета, а на шлеме с наглухо закрытым забралом чудом удержался белоснежный плюмаж из птичьих перьев. Сейчас плюмаж был украшен недоеденным толстым слизнем, который медленно полз по нему, оставляя блестящую дорожку.

Гора металла протяжно застонала и зашевелилась, издав звук, похожий на скрежет несмазанной тележной оси.

— Моя спина... — раздался из-под глухого шлема приглушенный, металлически искаженный, но на удивление глубокий мужской голос. — Клянусь Коронай, эти дороги созданы для пыток еретиков.

Металлический гость попытался опереться на руки, законные в латные рукавицы, но поскользнулся на раздавленном в кашу кабачке и с чавкающим звуком снова рухнул лицом прямо в целебную грязь. Генриетта, чудом удержавшаяся на уцелевшей части забора, выдала короткое, презрительное: «Ко». Я была с ней полностью солидарна.

— Эй, железный дровосек, — громко сказала я, подходя ближе, но предусмотрительно не опуская совка. — Ты мне изгородь сломал. И урожаем подавил.

Рыцарь замер. Затем медленно, со скрипом суставов и доспехов, сел. Измазанными в грязи руками он нащупал за-

стежки и стянул с головы шлем. Я невольно хмыкнула. Под слоем торфа, прилипших листьев и обрывков паутины скрывалось лицо, которое обычно рисуют на парадных витражах в столичных храмах. Волевой подбородок с легкой щетиной, прямой аристократический нос, растрепанные темные волосы, прилипшие ко лбу от пота, и глаза цвета предгрозового неба. Сейчас эти глаза смотрели на меня и мой огород с явным, совершенно искренним недоумением.

— Добрая женщина, — начал он глубоким баритоном, тоном человека, с пеленок привыкшего раздавать приказы. — Я безмерно сожалею о нанесенном ущербе. Мой боевой конь испугался мантикоры... или гигантского медведя... в общем, чего-то жуткого во мраке леса, и понес. Я щедро заплачу за ваши... э-э... овощи.

Он брезгливо подцепил пальцем и стряхнул с блестящего наплечника кусок раздавленного кабачка. Тот, коснувшись земли, тут же угрожающе зашипел, выпустил фиолетовый сок и попытался укусить рыцаря за железный сапог.

— Во имя Света! — отдернул ногу рыцарь, едва не опрокинувшись на спину. — Что это за демоническое отродье?!

— Это лунный кабачок, — холодно ответила я, наблюдая за его паникой. — И он не любит, когда его давят. Как и я. Во-первых, я тебе не «добрая женщина». Во-вторых, ты вломился на закрытую частную территорию. В-третьих, слезь с моего укропа, пока он не пустил корни в твои сапоги и не выпил из тебя все соки.

Незнакомец, тяжело дыша, наконец-то сумел подняться на ноги. В полный рост он оказался пугающе высоким — мне, со своим средним ростом, пришлось задрать голову, чтобы смотреть ему в лицо. Он попытался отряхнуть плащ (абсолютно безуспешно, лишь размазав грязь по бархату) и выпрямился, принимая горделивую, монументальную позу.

— Прошу прощения за непреднамеренное вторжение. Я — сэр Эдриан из рода Вэлеринов, рыцарь Ордена Сияющего Щита, — торжественно провозгласил он, выпятив грудь колесом, словно находился не в центре моего унавоженного огорода, а на приеме у самого короля. — По воле Его Величества я направлен в эти отдаленные земли, чтобы вступить во владение своим новым поместьем.

Я скептически прищурилась.

— Поместьем? Здесь нет никаких поместий. До ближайшего города с каменными стенами — три дня пути на телеге, если волы не сдохнут по дороге.

Сэр Эдриан недовольно нахмурился, полез за пазуху кирасы и достал оттуда сложенный вчетверо плотный пергамент с тяжелой, надломившейся сургучной печатью.

— Уверяю вас, есть. Согласно высочайшему указу, мне даровано поместье «Темные Ивы», расположенное у излучины реки, на самом краю деревни Нижние Комарики. Это ведь Нижние Комарики?

— Они самые, — кивнула я, чувствуя, как где-то в районе солнечного сплетения зарождается холодное, нехорошее

предчувствие. — А река вон там, за лесом.

— Прекрасно! — его лицо озарилось облегченной улыбкой (надо признать, весьма ослепительной, с идеально белыми зубами, что бесило еще больше). — Значит, мои владения где-то совсем рядом. Не подскажите, где именно?

Я ничего не сказала. Просто молча подняла руку с зажатым в ней грязным совком и указала прямо за его широкую спину.

Сэр Эдриан медленно обернулся. Повисла долгая, звенящая пауза, нарушаемая лишь деловитым клеванием кур.

Ровно в десяти шагах от моего забора, утопая в жгучей крапиве по самые слепые окна, стояла покосившаяся, насквозь прогнившая халупа. Почерневшая от времени соломенная крыша давно провалилась внутрь, разохшаяся дверь сиротливо висела на одной ржавой петле, а прямо из каменной трубы росла вполне себе жизнерадостная, кудрявая береза. Местные жители обходили это место десятой дорогой, потому что в подполе там жили агрессивные мыши размером с хорошую собаку, а по ночам в щелях завывал сквозняк (а может, и неупокоенный дух прежнего хозяина-мельника, утонувшего в браге).

— Это... — голос непоколебимого сэра Эдриана дрогнул и дал петуха. Куда делась вся его столичная высокопарность? — Это, должно быть, какая-то нелепая ошибка писаря. Это сарай для скота.

— Это твое родовое гнездо, герой, — мстительно и зло-

радно сообщила я. — А я, значит, твоя новая ближайшая соседка. Меня зовут Агата. И я местная ведьма.

Сэр Эдриан резко, словно ужаленный, развернулся. Его рука в перчатке инстинктивно, на одних рефлексах легла на витой эфес полуторного меча. В глазах цвета грозового неба вспыхнула дикая смесь шока, праведного гнева и откровенной паники.

— Ведьма?! — выдохнул он с таким ужасом, словно я только что буднично призналась в поедании некрещеных младенцев по четвергам. — Настоящая, практикующая колдунья? Прямо в моих землях?!

— *Рядомс* твоими землями. Мой участок заканчивается вон у той кривой яблони, — педантично поправила я.

— Темная магия! Зло в чистом виде! Скверна! — он резким движением выхватил меч из ножен. Идеально отполированное лезвие хищно сверкнуло на утреннем солнце. — Именем Ордена Сияющего Щита, ты должна быть немедленно предана суду Инквизиции!

Я громко, с чувством закатила глаза.

— Слушай сюда, Орден. Опустит свою переросшую зубочистку, пока я не превратила ее в букет полевых ромашек. Ты сейчас стоишь по колено в лечебной грязи, от тебя на два ярда разит свежим куриным пометом, а твой парадный плащ прямо сейчас увлеченно жуют мои гусеницы-шелкопряды.

Сэр Эдриан скосил глаза вниз и с неподдельным ужасом обнаружил, что подол его дорогого синего плаща действи-

тельно плотно облепили толстые, мохнатые желтые гусеницы. Он издал задушенный писк, совершенно не подобающий рыцарю с безупречной репутацией, и начал остервенело отмахиваться от них тяжеленным мечом, едва не отрубив себе колено.

Генриетта на заборе снова ехидно закудаhtала. Игнат на грядке проснулся, высунул голову из торфа и разразился тонким, дребезжащим, издевательским смехом.

Я смотрела на этого блестящего, слишком правильного, высокомерного и абсолютно бесполезного в быту мужчину, который скакал по моим грядкам, пытаясь отвоевать кусок ткани у насекомых, и с леденящей ясностью понимала одну очень страшную вещь.

Моя идеальная, размеренная и спокойная жизнь закончилась.

Королевская опала занесла в мою тихую глушь ходячую, бряцающую железом катастрофу. И если я хочу сохранить свой огород — и свои нервы — в целости, мне придется сварить самое мощное отворотное зелье из всех, что записаны в моем гримуаре. Зелье от незваных рыцарей-идиотов.

Вопрос был лишь в том, где достать достаточно свежей лягушачьей слизи до того, как этот параноик попытается сжечь мой дом во имя Света милосердного.

Сэр Эдриан, гроза нечисти и защитник угнетенных, тем временем продолжал неравный бой. Его двуручный клинок, выкованный, вероятно, лучшими столичными мастерами из

валирийской стали, со свистом рассекал воздух, чудом не задевая мои лодыжки. Гусеницы-шелкопряды, обладавшие зачатками коллективного разума и отменным, поистине магическим аппетитом, сдаваться просто так не собирались и намертво вцепились жвалами в синий бархат.

— Хватит! — рявкнула я, не выдержав этого циркового издевательства над здравым смыслом и моим кропотливым трудом.

Я звонко щелкнула пальцами. Мелкая, обжигающая искра сорвалась с ногтя, по дуге пролетела по воздуху, с легким статическим хлопком ударилась о металлический нагрудник рыцаря и рассыпалась снопом безобидных золотистых брызг, пахнувших лавандой. Гусеницы, смертельно оскорбленные таким беспардонным магическим вмешательством в их утреннюю трапезу, синхронно разжали челюсти и влажно шлепнулись обратно в грязь, после чего торопливо, смешно извиваясь, поползли в сторону капустных грядок.

Сэр Эдриан замер как вкопанный, тяжело дыша. Грудь под кирасой ходила ходуном. Его глаза расширились до размеров медных монет.

— Ты... ты применила ко мне колдовство! — он выставил перед собой меч на вытянутых руках, словно я собиралась наброситься на него, порвать зубами горло и высосать его благочестивую душу. — Я почувствовал это! Жгучее прикосновение Бездны!

— Это было простейшее бытовое заклинание «Анти-

моль», придурок, — тяжело вздохнула я, массируя кончиками пальцев начинающие ныть виски. День обещал быть катастрофически долгим. — А теперь слушай меня внимательно, герой. Твои земли — там.

Я красноречиво, с размахом указала испачканным совком на пролом в изгороди, за которым уныло возвышалась гниющая развалюха.

— Мои земли — здесь. Если ты еще раз, хотя бы одним железным сапогом потопчешь мои кабачки, я превращу твои сверкающие латы в ржавое дырявое ведро, а самого тебя отправлю пугать ворон вместо огородного пугала. И поверь мне на слово, твоя инквизиция не успеет приехать на помощь. Они сюда просто физически не доберутся: застрянут вместе со своими телегами в бездонных болотах у Кривой Пади еще на подступах к деревне.

Рыцарь медленно выпрямился, громко бряцнув доспехами. Несмотря на грязные подтеки на носу и жалкий, пожеванный плащ, в его широкой осанке вдруг проступило столько непоколебимого, врожденного благородства, что мне захотелось кинуть в него самым большим комком земли, который я только смогу найти.

— Мне не нужна помощь целой армии, чтобы справиться с одной деревенской ведьмой, — холодно и надменно процедил он, убирая меч в ножны с показательно громким, угрожающим лязгом. — Я — рыцарь Ордена. Мой священный долг — искоренять тьму во всех ее проявлениях. Но, будучи

человеком чести, я не нападаю на женщин без должного, всестороннего расследования.

— Какое потрясающее благородство, — саркастично хмыкнула я. — И что же ты будешь делать, о светлейший? Расследовать химический состав моего компоста? Допрашивать кур?

— Я буду неусыпно наблюдать, — многозначительно, понизив голос, ответил сэр Эдриан. — И если я замечу хоть малейшее проявление черной магии, направленной во вред честным людям, я лично предам тебя суду и костру. А до тех пор... — он бросил брезгливый взгляд на мой двор, на Генриетту, которая уже с интересом присматривалась к его брошенному в грязь шлему, пытаюсь клонуть плюмаж, и на меня. — До тех пор я требую, чтобы мы держались друг от друга на строгом расстоянии.

— На каком именно? — деловито уточнила я, скрестив руки на груди.

Сэр Эдриан прищурился, прикидывая в уме, и окинул взглядом разделявшее нас перепаханное пространство.

— На расстоянии вытянутого боевого копья. Этого вполне достаточно, чтобы избежать твоего тлетворного влияния, ведьма.

— Идет, — легко согласилась я, пожимая плечами. — Только копье будем мерить твое. У меня в хозяйстве из длинных палок только метлы. А теперь — вон с моего огорода, пока я не передумала.

Сэр Эдриан гордо вздернул подбородок и, стараясь чеканить шаг (что было архисложно, учитывая чавкающую, скользкую глину под тяжелыми сапогами), направился к пролому в изгороди. Я молча наблюдала, как он, путаясь в плаще, перешагивает через поваленные кусты колючей ежевики, выходит на нейтральную территорию и торжественно, словно восходя на эшафот, приближается к своему новому «помещью».

Он остановился перед покосившейся, заросшей паутиной дверью. Глубоко вздохнул и занес руку в латной перчатке, чтобы по-хозяйски, с достоинством толкнуть ее.

Скрип. Треск. Бум.

Дверь, не выдержав напора благородной рыцарской силы и окончательно сдавших гнилых досок, жалобно крякнула и сорвалась с последней проржавевшей петли. Она с грохотом рухнула прямо внутрь дома, подняв густое, удушливое облако многолетней серой пыли и трухи. Из образовавшегося темного зева проема, недовольно пища, выбежала черная мышь размером с хорошо откормленного поросенка. Она остановилась, пренебрежительно посмотрела снизу вверх на замершего в шоке рыцаря, брезгливо дернула длинными усами и неспешно, виляя голым хвостом, удалилась в густые заросли крапивы.

Сэр Эдриан стоял абсолютно неподвижно, ссутулившись, словно окаменев, и молча заглядывая в черную пасть своего нового, безрадостного жилища. Белоснежный плюмаж на его

шлеме, который он так и оставил лежать на моей грядке рядом с раздавленным кабачком, сиротливо трепал утренний ветер.

— Эй, сосед! — крикнула я в спину неподвижному рыцарю, сложив руки рупором. — Если надумаешь разводить костер прямо на полу, чтобы согреться, окна сначала выбей! Угарный газ — штука коварная, никакая аура Света от удушья не спасет!

Он не ответил. Лишь его широкие плечи в тяжелых, украшенных львами наплечниках как-то безнадежно, обреченно опустились.

Я с удовлетворением кивнула самой себе, развернулась на каблуках и пошла к своему теплому крыльцу. Нужно было срочно спасти раздавленный лунный кабачок, успокаивать раскудахтавшихся кур и, главное, провести полную ревизию запасов ингредиентов в прохладном погребе. «Расстояние вытянутого копыя» — это, конечно, звучит надежно и солидно.

Но что-то мне подсказывало, что в Нижних Комариках словесные договоры работают так же криво и непредсказуемо, как и местные проклятия.

«А лягушачью слизь все-таки надо пойти на болота и собрать,» — практично подумала я, со скрипом закрывая за собой крепкую, дубовую дверь своей идеальной, уютной лачуги, пахнувшей сушеными травами и уютом. «Она точно пригодится. В крайнем случае, ночью прокрадусь и смажу ею

ему петли на доспехах, а то он лязгает при ходьбе на всю деревню — так и распугать мне всех полезных духов-помощников в лесу недолго».

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.